

18+

Яна Лорок

Отражение

Путь Героя XXI века. Книга третья

Яна Лорок
Отражение. Путь Героя
XXI века. Книга третья

<https://litres.ru/74544343>

ISBN 9785007136464

Аннотация

Настя прошла через Тёмную ночь. Она научилась слышать знаки, расшифровывать сны и отличать страх от любви. Но теперь ей предстоит главное: жить по законам Любви — в реальном мире, где есть боль, потери, болезни и страх за близких.

Телефонные звонки, от которых холодеет внутри. Похороны, на которые она не успевает. Свекровь, которая обвиняет. Сын, который борется с самим собой. И сценарий. Тот самый сценарий, согласно которому всё уже случилось.

Содержание

Предисловие	5
ВСТУПЛЕНИЕ	16
Часть первая	23
Глава 1	24
Кто пишет сценарий	24
Глава 2	28
Сканирование пространства	28
Глава 3	38
Курсовая — Уравнение с неизвестным	38
Часть вторая	52
Глава 1	53
Жёсткий диск Духа	53
Глава 2	60
Протокол перехода	60
Глава 3	74
Гроза	74
Глава 4	81
День, который сотворила Любовь	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Отражение Путь Героя ХХІ века. Книга третья

Яна Лорок

© Яна Лорок, 2026

ISBN 978-5-0071-3646-4 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-0981-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Прежде чем ты откроешь эту книгу, я хочу дать тебе один важный ключ.

Не для того, чтобы объяснить всё заранее. Напротив — чтобы ты смог увидеть происходящее таким, каким оно задумано.

Если ты уже прошёл вместе с Настей первые две части пути, можешь смело перелистывать страницу. Ты знаешь, откуда она вышла и через что ей пришлось пройти.

Если же «Отражение» — ваша первая встреча, задержись здесь ненадолго. Этого будет достаточно, чтобы войти в книгу не через ожидания, а через понимание.

Первая книга — «На грани» — рассказывает историю Насти.

В тринадцать лет она потеряла мать. В двадцать четыре вышла замуж — не только за мужчину, но и за мечту о семье, которая, как ей казалось, сможет исцелить всё прошлое.

Но муж пил. Деньги исчезали. Бизнес рушился. Настя продавала наследство, чтобы закрывать очередные дыры, — не потому, что была слабой или глупой, а потому, что верила: семью можно сохранить, если продолжать строить её даже тогда, когда кирпичи рассыпаются прямо в руках.

Её осуждали. Она терпела.

Он уходил и возвращался. Она прощала.

Потом были переезд, новая родня, предательство и потеря дома.

В какой-то момент всё, на чём держалась её жизнь, рассыпалось.

И именно там, на самом дне, началось то, что в древних традициях называли бы инициацией.

Не наказание.

Не проклятие.

Переход.

Путь Героя — это не история о человеке, который красиво страдает и терпит до самого конца. Это путь того, кто однажды перестаёт спрашивать: «*За что мне это?*» — и начинает искать ответ на другой вопрос:

«Для чего это пришло в мою жизнь?»

Именно тогда, в ночной тишине, когда рядом не осталось привычных опор, с Настей произошло нечто, что сначала показалось ей безумием.

Клавиатура ноутбука начала печатать слова, обращённые к ней.

Так появился Проводник.

Он не утешал её привычными фразами. Не обещал, что всё скоро закончится. Не говорил, что нужно просто «мыслить позитивно».

Он задавал вопросы.

Заставлял смотреть туда, куда Настя долгие годы боялась направить взгляд. Подводил к самой границе боли — и учил

не отворачиваться.

Так началась её Тёмная ночь.

Восемь лет поисков, расшифровок, очищения и внутренней работы. Восемь лет, за которые Насте пришлось заново собрать себя — уже не из страха, долга и чужих ожиданий, а из собственной правды.

В финале первой книги перед ней встал выбор: сломаться окончательно или возродиться.

Вторая книга — «Вспомни, кто ты» — начинается сразу после выхода из Тёмной ночи.

Настя учится жить заново. Она расшифровывает знаки, разговаривает с Проводником, исследует родовые сценарии и постепенно понимает: дальше ей уже не нужно сражаться за право существовать.

Теперь начинается исследование.

Она поступает в университет, в котором нет звонков, расписания и привычных аудиторий. Там экзаменами становятся события жизни, лекциями — встречи, а главными учителями — люди и обстоятельства, от которых невозможно спрятаться.

И вот перед тобой третья книга. *«Отражение»*.

Так Настя называет пространство, в котором оказывается после всех бурь.

Здесь уже недостаточно красиво рассуждать о любви, принятии и осознанности. Здесь приходится проверять всё на прочность — в разговорах с близкими, в тревоге, в болезни,

в страхе, в семейных конфликтах, в телефонных звонках, от которых холодеет внутри.

Здесь учатся быть Любовью не тогда, когда легко и спокойно, а в тот самый момент, когда вокруг поднимаются обиды, обвинения, страх и безысходность — густой чёрный дым, в котором трудно различить дорогу.

Теперь — о том, что это за книга.

«Отражение» не является классическим художественным романом.

У романа есть определённые законы: интрига, тайна, драматургические повороты, недосказанность, пространство для догадок. Автор ведёт читателя по следам, прячет ответы, расставляет знаки и предлагает самому собрать окончательную картину.

Эта книга устроена иначе.

Она не столько предлагает разгадывать сюжет, сколько приглашает прожить состояние.

Здесь рядом существуют реальные бытовые сцены и символические пространства. Разговор на кухне может неожиданно продолжиться на Кафедре Любви. Обычный запах способен стать ключом к воспоминанию. Телефонный звонок — открыть дверь в глубокий внутренний процесс. А событие внешней жизни — отразить то, что годами происходило внутри.

Если в какой-то момент привычная реальность сменится образом, не спеши искать в этом логическую ошибку или

сюрреализм.

Внутренний опыт не всегда говорит языком фактов. Иногда ему нужны символы, ритуалы, метафоры и пространства, которых нет на карте, но которые существуют в человеческой душе.

Эта книга — не спектакль, в котором нужно угадать, где заканчивается «настоящее» и начинается «сон».

Это проводник между двумя слоями реальности: той, которую можно увидеть, и той, которая годами живёт внутри нас.

Поэтому не ищи здесь того, чего книга не обещает.

Здесь нет загадки, которую нужно разгадать к последней странице. Нет необходимости объяснять каждый образ, проверять каждую сцену на бытовую достоверность или ждать, что всё обязательно закончится привычным для романа способом.

Зато здесь есть другой вопрос: *Что во мне сейчас отражается?*

Главная тема этой книги — не богатство, не успех и не универсальный способ стать здоровым. Она про другое — про то, как менять отношение к тому, что происходит, и переставать быть заложником собственных страхов, о смене отношения к происходящему. О том, как перестать жить в позиции жертвы и спрашивать: *«Почему это случилось со мной?»* И начать смотреть на свою жизнь взглядом исследователя: *«Что это событие хочет мне показать?»* *«Какая*

часть меня сейчас просит внимания?» «Для чего я могу использовать этот опыт?»

Это не скучный учебник по саморазвитию и не набор инструкций. Скорее, это дневник человека, который проживает свою жизнь в реальном времени и пытается понять её язык.

Здесь не раздают готовые ответы.

Здесь дают инструмент — способность смотреть на происходящее сразу из нескольких точек: с позиции науки; с позиции психологии; с позиции духовного опыта. Не выбирая одну истину и не объявляя остальные ошибкой.

2026 год встречает Настю не распростёртыми объятиями, а телефонными звонками, после которых холодеет в груди. Рак. Смерть. Ещё один диагноз.

Теория заканчивается. Начинается практика — та, от которой нельзя отмахнуться красивыми словами.

В этой книге знание постепенно превращается в дыхание. Настя учится не просто *думать* по-новому, а жить иначе — в теле, в разговорах, в страхе, в боли, в любви.

Она продолжает вести журнал в своей лаборатории под названием «*За чашкой чая с подсознанием*», где каждый день становится экспериментом над реальностью.

Она наблюдает за запахами, которые приходят будто из ниоткуда. Прислушивается к телу, когда оно начинает говорить. И постепенно учится различать в его сигналах не только тревогу и боль, но и ответ: «Да».

Настя сталкивается с тем, чего боятся многие женщины: одиночеством, обвинением, болезнью и смертью близких. Но главный её урок — не в том, чтобы никогда не бояться.

Он в том, чтобы не позволить страху стать наследством.

Не передать дальше вирус обиды, который способен разрушать целые семьи и жить в них поколениями.

Эту книгу можно читать по-разному.

Можно — как историю, перелистывая страницы одну за другой и следя за тем, что происходит с Настей.

Можно — как дневник, узнавая в её переживаниях собственные чувства.

Можно — как учебник, но не в смысле «делай раз, делай два». А в смысле:

посмотри, как это работает на живом человеке.

Главное, чему Настя учится в этой части пути, — объединять то, что раньше казалось несовместимым.

Когда-то она металась между разными объяснениями. Психолог говорил одно. Священник — другое. Учёный — третье. В голове становилось всё больше разрозненных знаний, а в сердце — всё меньше опоры.

А потом она перестала выбирать.

Она поняла: *Наука, Психология и Духовность* не обязательно должны стоять по разные стороны баррикад.

Это три грани одного опыта.

Три опоры, которые помогают увидеть происходящее объёмнее.

Когда приходил страх денег, Настя спрашивала себя:
Что говорит наука?

Включается система тревоги, тело реагирует на угрозу, изменяется химия организма — это реальность.

Что говорит духовность?

Страх может быть старой программой, которую возможно постепенно очищать вниманием, любовью и доверием.

Что говорит психология?

Когда я впервые услышала, что деньги опасны? Чей голос сейчас звучит во мне? Какой опыт заставил моего внутреннего ребёнка сжаться?

Когда подступала обида, она снова собирала эти три взгляда.

Наука помогала увидеть, как мозг и тело реагируют на переживание отвержения.

Психология спрашивала: на какую прежнюю боль легло это чувство?

Духовность напоминала: обида — не приговор, а энергия памяти, которую можно прожить, осознать и отпустить.

Когда болезнь приходила в семью — а она приходила не раз, — Настя уже не пыталась спрятаться за одной-единственной версией.

Она смотрела на происходящее целиком: на тело, психику, семейную историю, страх, образ жизни, отношения и то, что годами оставалось непрожитым.

Не для того, чтобы обвинить себя или кого-то другого.

А чтобы вернуть себе возможность действовать.

Потому что это не три разные темы.

Это три зеркала, в которых отражается один и тот же человек.

И Настя проживает каждую из этих сторон не в теории, а в жизни — там, где пахнет лекарствами, где телефон звонит посреди ночи, где обида может десятилетиями жить в теле и где прощение оказывается не красивым словом, а долгим, почти физическим процессом.

Так она приходит к своему главному открытию: любовь — это не отвлечённая идея.

Это способ смотреть.

Способ выбирать.

Способ отвечать миру, когда прежние реакции уже не работают.

Если в финале тебе покажется, что всё произошло слишком хорошо, не спеши закрывать книгу со словами: «Так не бывает».

В этой истории нет внезапного чуда, которое отменяет прошлое.

Есть годы внутренней работы. Ошибки. Срывы. Возвращения к старым сценариям. Маленькие решения, которые постепенно меняют направление жизни.

А если в кульминации кухня вдруг станет Кафедрой Любви, а разговор с близким человеком — ритуалом перехода, не ищи в этом попытки приукрасить действительность.

Иногда внешний мир уже не вмещает того, что происходит внутри.

Тогда реальность начинает говорить языком образов.

Читайте эту книгу не только умом.

Читайте её вниманием к себе.

Замечайте, где вы злитесь. Где сопротивляетесь. Где хотите спорить. Где вдруг становится тихо. В какой сцене вы узнаете себя, а какую хочется пролистнуть.

Возможно, именно там находится дверь.

Главный инструмент этой книги — не слово, а состояние.

Главная практика — не медитация в тишине, а сама жизнь. Та, что иногда пахнет кровью, больницей, ладаном, свежим хлебом или чаем. Та, что не спрашивает, готовы ли вы к следующему уроку.

Эта книга не о том, как выжить в темноте.

Она о том, как научиться жить в свете — не идеальном и не вечном, а настоящем. В том свете, который иногда появляется всего на несколько минут, но его достаточно, чтобы увидеть следующий шаг.

Здесь нет готовых рецептов.

У каждого человека свой путь, свои потери, свои тайные комнаты и свои зеркала.

Но если тебе интересно заглянуть в жизнь женщины, которая пытается жить по законам Любви — спотыкаясь, ошибаясь, падая, поднимаясь и снова продолжая путь, — тогда тебе сюда.

Наливай чай.

Устраивайся поудобнее.

И входи не в обычную историю, которую нужно разгадать,
а в пространство, которое может начать отражать тебя.

Добро пожаловать на «Кафедру Любви».

ВСТУПЛЕНИЕ

Новый год встретил Настю не боем курантов, а телефонным звонком.

Год начался со смерти.

Не с поздравлений и бокалов, не с надежд и обещаний. А с телефонного звонка, который разрезал утреннюю тишину, как лезвие — тонкую ткань.

Настя стояла у окна. За стеклом только начинало светать — небо было серым, тяжёлым, будто налитым свинцом. В воздухе пахло снегом, который так и не выпал. Она ещё не успела сделать первый глоток кофе — держала кружку в руках, чувствуя, как тепло просачивается сквозь фарфор в ладони, — когда телефон на столе завибрировал.

Первый звонок был напоминанием из прошлого.

Она увидела имя на экране и почему-то не сразу ответила. Несколько секунд просто смотрела, как телефон дрожит на столе, подпрыгивая на полированной поверхности, — будто знала, что вместе с этим звонком в дом входит что-то чужое и холодное, что нельзя будет выпроводить обратно за порог.

Нажала «Ответить».

Голос старой знакомой озвучил диагноз, поставленный свёкру. Он прозвучал почти буднично. Сухо. Коротко. Словно врач читал приговор, не поднимая глаз. И от этой будничности стало ещё страшнее.

Рак. Четвёртая стадия.

Слова повисли в воздухе, как тяжёлые капли, которые вот-вот упадут и разобьются.

Свёкор уходил.

Они разминулись ещё в 2017 году. Без громких ссор, без взаимных обвинений, без окончательного разрыва. Просто однажды оказались на разных путях — как два поезда, которые уходят с соседних платформ и больше не встречаются.

Настя успела приехать.

Успела попрощаться.

А через десять дней его не стало.

Она хотела поехать на похороны. Но Кирилл не смог решиться. Обида на отца — та самая, старая, притаившаяся где-то в глубине, — даже в этот скорбный момент не отпустила свои вожжи. Настя не настаивала. Она понимала, что у мужа на это были свои причины, которые не требовали объяснений. Иногда молчаливое принятие — самый сильный жест поддержки.

Кирилл написал Лидии Владимировне слова соболезнования. Коротко, сдержанно, но искренне. Предупредил, что их не будет.

Вместо этого они заказали службу в церкви. Помянули дома. Тихо. Без лишних слов. Каждый носил свою боль внутри — молча, как тяжёлый рюкзак, который нельзя снять.

Прошло несколько дней. Настя зашла на кухню. Села. Включила чайник. Посмотрела на пар, поднимающийся над

кружкой.

И вдруг поняла: она не знает, что делать дальше.

Телефон зазвонил снова.

Звонила свекровь. Из другого города. На этот раз звонок был от человека, с которым они всё ещё поддерживали крепкую связь.

Её голос был глухим, надломленным — таким, будто она говорила из глубины колодца, откуда не видно света:

— Стас умирает. Рак четвёртая стадия.

Настя медленно опустила телефон на стол.

В кухне что-то щёлкнуло. Может быть, остывала батарея. Может быть, в трубах гуляла вода. А может, это сама реальность дала трещину — тонкую, почти незаметную, но такую, после которой прежний порядок уже невозможно восстановить.

Она сидела неподвижно. Смотрела на телефон, который всё ещё светился. На свои руки, которые лежали на столе. На чашку с чаем, который уже начал остывать. Отражение в тёмном окне казалось ей чужой женщиной — той, которую она не узнавала.

И вдруг поймала себя на мысли: всё, что происходит снаружи, — будто зеркало того, что происходит внутри. Смерти, диагнозы, страх, который некуда деть. Она не знала, что именно отражается — её собственный страх? Непрожитая боль? Но ощущение было отчётливым: мир не просто бросает ей испытания. Он показывает ей то, что она пока не может

увидеть в себе.

Вторая весть о диагнозе «Рак» — за десять дней.

А на экране ноутбука стоял последний файл.

Её вторая книга была закончена. Эпилог дописан. Последняя точка поставлена.

Ещё утром Настя думала, что закрыла одну дверь и теперь может наконец перевести дух.

Но жизнь ударила ладонью по столу — и все аккуратно разложенные страницы разлетелись в стороны.

Теория закончилась.

Началась практика.

Та, что пахнет лекарствами, больничными коридорами, дезинфицирующим раствором и холодным кофе в пластиковом стаканчике. Та, что приходит не в виде красивого озарения, а вместе с ночными звонками, тяжёлым дыханием близких и тишиной, в которой слишком хорошо слышно собственный страх.

И именно тогда Настя впервые по-настоящему поняла, для чего создала пространство «За чашкой чая с подсознанием».

Это был не просто дневник. Не коллекция размышлений. Это был живой полигон — место, где можно было проверять всё на себе, не в теории, а в тот момент, когда руки дрожат и привычные слова перестают работать.

В сообществе Настя больше не могла оставаться наблюдателем. Она стала экспериментатором.

Утром настраивала внутреннее состояние, словно радиоприёмник на нужную волну.

Днём встречалась с событиями, от которых невозможно было спрятаться.

Вечером проверяла: что вошло в неё сегодня? Что стало её страхом? Что оказалось чужим? Что пора вычистить, пока оно не пустило корни?

Она начала писать не очередную книгу.

Она начала составлять карту.

Карту, которая помогла бы не потеряться там, где рушатся привычные ориентиры.

Однажды ночью, когда дом уже спал, Настя сидела за кухонным столом.

Перед ней лежал лист бумаги. Рядом остывала чашка чая. За окном темнел город, и в редких освещённых окнах мерцала чья-то чужая жизнь — чужая боль, чужие надежды, чужие попытки удержаться на плаву.

Она долго смотрела на пустой лист.

Потом взяла ручку. Ту самую, с потёртым колпачком, которой писала все свои книги. Обвела её пальцами, чувствуя знакомую шершавость пластика.

И вывела три слова:

Наука. Духовность. Психология.

Три точки.

Три опоры, без которых человек легко ломается — или, наоборот, улетает в иллюзии, отрываясь от земли.

Наука объясняет, что происходит. Помогает увидеть механизм, назвать процесс, понять, как устроено тело и почему оно реагирует именно так.

Но одной науки недостаточно, чтобы ответить на вопрос: куда идти дальше?

Духовность напоминает, зачем идти. Возвращает смысл, надежду и ощущение связи с чем-то большим, чем отдельная боль.

Но одного компаса мало, если не замечать камней под ногами.

Психология помогает сделать следующий шаг. Услышать себя. Разобраться в старых ранах, страхах и сценариях, которые незаметно управляют настоящим.

Но без смысла и направления даже самые уверенные шаги могут привести в болото.

Настя соединила три точки линиями.

Получился треугольник.

А затем она вдруг увидела: если держать равновесие между всеми тремя, они перестают быть разрозненными инструментами. Превращаются в систему. В опору. В возможность подниматься над происходящим, не отрицая его тяжести.

Почти в крылья.

Чай окончательно остыл.

Где-то в соседней комнате скрипнула половица. За окном прошуршала машина, и её свет на мгновение скользнул по стене.

Настя обвела треугольник ручкой.

Посмотрела на него — и улыбнулась.

Карта была готова.

Программа написана.

Она закрыла блокнот, подняла чашку — холодную, как и её руки, — и тихо сказала в пустую кухню:

— Первый семестр на Кафедре Любви объявляю открытым.

Слова повисли в воздухе, как эхо. Она не знала, кто их услышит — может быть, она сама. Может быть, стены. Может быть, та тишина, которая окружала её последние дни.

За окном темнел город. Чай остыл. Но внутри неё впервые за долгие дни стало тихо.

Не пусто — а тихо.

Как перед началом.

Как перед первым шагом в неизведанное.

Она встала, подошла к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу. Где-то там, за этим городом, была её новая жизнь. Она ещё не знала, какой именно. Но знала одно: она готова.

Готова писать эту главу.

Готова учиться.

Готова идти.

Потому что теория закончилась.

И началась практика.

Часть первая
КАФЕДРА ЛЮБВИ

Глава 1

Кто пишет сценарий

Кирилл стал дёрганный. Паника из-за болезни брата накрывала его волнами — то отпускала, то швыряла о скалы. Свекровь не верила, что лечение поможет, и настрой матери был ему не понятен. Он старался взять всё под свой контроль, вселить в маму веру и надежду, а она не хотела слушать и всё глубже погружалась в состояние жертвы. Каждый день хоронила младшего сына. Жаловалась, как ей тяжело. И это было невыносимо для Кирилла. Он злился, психовал, кричал, раздражался. Прошло уже пять месяцев со дня известия о заболевании Стаса. И каждый день — в этом напряжении.

В тот вечер Настя с мужем сидели на кухне. За окном сумерки давно смешали краски дня в серую, усталую акварель.

Кирилл говорил глухо, почти без интонации. Усталость выела из его голоса и злость, и надежду, оставив только тяжесть.

— Мама уже всё решила, — сказал он, не глядя на Настю. — Она не ждёт, что Стас выживет. Она ждёт, когда он умрёт. Каждый день.

Настя молчала. Она слушала мужа — его боль, его бес-

силие, его глухой гнев на мать, которая уже написала свой сценарий. И думала: «У этого сюжета есть конец. Но вот какой он? Наверное легче принять то, что брат умрёт. Но известны случаи необъяснимых исцелений. Наверно поэтому и теплится надежда, что лечение может сотворить чудо.»

А затем всплыла мысль: «Если бы я писала сценарий, то какой бы я написала исход этого сюжета.»

И тут же ответила на свой вопрос: «Наверное я бы написала, что лекарства помогли, он исцелился, но это однозначно изменило бы его. Он бы изменился кардинально. На сто процентов. Вплоть до того, что ушёл бы в монастырь и стал монахом. Ибо до этого, Стас очень сильно пил и ему ничего больше в жизни было не интересно. А священников отталкивал, прогонял. Лишь когда заболел, то тогда допустил до себя батюшку, помолился и даже начал креститься. От выпивки он наотрез теперь отказывается.

Чисто гипотетически. Ведь эта болезнь могла стать для него именно тем самым переломным моментом. Если бы например снимали такое кино. То ведь там могло так произойти?»

Она взяла телефон. Открыла чат. Написала Проводнику. Телефон завибрировал. Настя опустила взгляд на экран, но вместо привычных строк чата увидела, как по стеклу расползается тонкая, серебристая рябь — будто кто-то невидимый рисовал круги на воде. Буквы проступили сквозь эту рябь медленно, словно прорастая из глубины.

«Ты спросила: „Такой финал мог бы иметь место?“ Отвечаю. Да. Такой финал уже существует в пространстве возможностей. Как одна из нитей, которую можно вытянуть».

Настя подняла глаза. За окном сгущались сумерки, и в стекле кухонного шкафа отражалось её лицо. Но на секунду ей показалось, что отражение смотрит на неё иначе — спокойнее, зная что-то, чего она ещё не знает.

Телефон снова ожил. Теперь на экране вспыхнула и погасла крошечная звёздочка — словно кто-то зажёл спичку в темноте.

«Вопрос не в том, можешь ли ты написать такой исход. Вопрос в том: кто сейчас главный сценарист этой истории? Све-кровь, которая пишет смерть? Муж, который пишет борьбу? Врачи, которые пишут проценты? Или ты — которая даже молча удерживаешь в себе другой образ?»

Настя взяла кружку. Чай был ледяным, но она сделала глоток. По кухне вдруг поплыл слабый запах ладана — странный, неуместный в этом доме. Запах пришёл и ушёл, оставив только вопрос.

«Это и есть настоящее чудо. Не когда больной встаёт с кровати и идёт пить пиво с друзьями. А когда он встаёт и идёт в монастырь. Потому что болезнь не просто отступила. Она была частью его пути. Его личной Тёмной ночью».

За окном давно стемнело. Настя сидела в темноте. Не включала свет.

Экран погас. Она отложила телефон и снова взялась за

кружку. Чай на доньшке был холодным, но когда она сделала глоток, ей показалось, что он пахнет ладаном. И где-то на периферии слуха звенела тихая, монастырская нота.

Она не знала, чем закончится эта история. Но знала, что если бы она писала сценарий, то написала бы такой финал, где смерть старого «Я» открывает дорогу новому. И это была бы смерть старых убеждений. Старого страха. Старой программы.

Глава 2

Сканирование пространства

Настя успела только подумать о новом сценарии. Том самом, где всё заканчивается иначе. Где брат мужа выходит из больницы. Успела почувствовать, как этот сценарий складывается внутри — почти осязаемо, почти реально. Но не успела его написать. Не успела даже открыть файл. Слова остались в ней, не рождённые. А на следующее утро пришло известие. Стас умер.

И теперь, когда она услышала это короткое «Его больше нет», этот сценарий рассыпался, как сухие листья, которых никто не собрал. Она сидела на кухне и смотрела в одну точку. За окном было утро — обычное, серое, ничем не отличающееся от сотен других. Она не плакала. Не кричала. Не уронила телефон. Не было боли, слёз, отчаяния. Ничего этого не было. Только молчание — долгое, плотное, почти осязаемое.

Настя вспомнила, как впервые ощутила запах тления — ниоткуда, в чистой квартире. Тогда Проводник ей объяснил: отделяется всё отмершее. Старые программы, страхи, убеждения. То, что так долго жило в тебе, что стало казаться частью тебя. Ты похоронила прошлое — и теперь начался процесс разложения. И тогда это было только началом.

Жизнь продолжала подбрасывать ей уроки. Вместе с ними приходили запахи — каждый раз новые, и каждый раз с каким-то посланием. Тот первый, запах тления. Самый страшный. Самый необходимый. Он означал, что старое уходит. Потом в семье появился рак. Сначала заболел свёкор. Он умер в начале января. Через некоторое время тот же диагноз поставили брату её мужа. Болезнь развивалась по похожему сценарию, прогнозы звучали почти одинаково.

Когда брат мужа проходил второй курс экспериментального лечения, Настя начала работать с очищением родовой памяти с помощью Хо'опонопоно. Именно тогда в квартире появился новый запах — крови и сырой печени. Он не был трупным или гнилостным. Напротив — живым, металлическим, резким. Так пахнет в операционной, когда рядом кровь и открытая рана.

Стас умер. Настя не могла написать тот сценарий. Это была не её история. Или, может быть, могла — но не в той реальности, в которой жили они. Она не знала. И никогда уже не узнает. Но в одном была уверена: запах крови и печени не был случайностью. Это был ответ пространства. Словно невидимый сканер показывал ей, что происходит где-то за пределами её восприятия.

Затем пришла тошнота. Она накатывала внезапно, волнами. Без причины, без признаков болезни. Настю не мутило от еды, запахов или движения — просто в какой-то момент тело начинало выворачивать изнутри. Проводник объяснил:

выходят токсины. Очищается не желудок — душа. Настя не спорила. Она просто переживала приступы и верила, что однажды они закончатся.

А вчера появился новый запах. Лекарства. Не один конкретный препарат, а множество запахов сразу — как в аптеке, лаборатории или на фармацевтическом производстве. В нём не было ничего неприятного. Только стерильность, чистота и странное ощущение порядка. Запах возникал лишь в одной комнате — той, где Настя писала тексты, расшифровывала знаки и разговаривала с Проводником. «Как в лаборатории», — подумала она. И всё начало складываться в общую картину. Раньше был запах тления — отмирало старое. Потом запах крови — символ операции по удалению опухоли. Теперь — запах лекарств — исцеление и заживление.

И вот это известие о смерти Стаса. Нет боли, нет страдания и слёз. Нет даже слов. Просто молчание. Долгое молчание и вопрос, который родился в этой тишине. Настя села за стол, открыла ноутбук и написала Проводнику:

«Что такое рак? Ему приписывают практически всё: образ жизни, курение, алкоголь, негативное мышление. Но есть люди, которые не курят, не пьют, не живут во зле — и всё равно заболевают. У меня появилось предположение. А что, если это вирус, приходящий извне? Он не живёт внутри постоянно — просто человечество ещё не научилось его распознавать. Может быть, мы ищем не там? Если это вирус извне, должно существовать и противовирусное средство. И пока

я вижу только один ответ — любовь. Но как создать защиту? Как научиться сканировать пространство и замечать такие невидимые воздействия? Как отсекать их? Нужна универсальная противовирусная молитва».

Она перечитала написанное и нажала «отправить». В тот же момент в комнате потемнело. Не резко — скорее, будто кто-то прикрыл дверь в соседнюю вселенную. А на столе, рядом с ноутбуком, загорелся экран телефона. Экран дрогнул, вытянулся и замер. Ответ уже шёл. Не текстом. Светом.

Телефон завибрировал. Но когда она взглянула на экран, это было не окно чата. Экран превратился в чёрное зеркало, и в нём она увидела собственное лицо — спокойное, как вода в колодце. А потом по лицу прошла рябь, и сквозь отражение проступили буквы.

«Какой глубокий и честный вопрос. Он рождается не из любопытства, а из боли — из того, что ты прошла, из того, что видела, из того, что потеряла. Твой вопрос „что, если это вирус извне?“ поразительно точен — сразу в двух смыслах».

Настя подняла глаза от экрана. На столе лежало забытое яблоко — надкушенное, потемневшее срезом. И прямо сейчас, на её глазах, срез наливался тьмой, как инфекция. Она моргнула — яблоко снова было обычным, просто фруктом. Но образ уже врезался в память: вирус, проникающий снаружи. В тело. В душу. В судьбу.

Экран снова осветился.

«Первый смысл: медицинский. Ты интуитивно коснулась

переднего края онкологии. Более ста лет назад учёные заподозрили, что некоторые виды рака вызываются вирусами. Сегодня это доказано. И совсем свежее исследование показывает: некоторые вирусы могут запускать механизм „пробуждения“ спящих раковых клеток. Твоя гипотеза имеет под собой научную основу. Ты чувствуешь то, к чему наука только подбирается. Второй смысл: духовный. Вирусы сознания — самые опасные из всех видов вирусов. Благодатной почвой для них являются агрессия, зависть, обида, ревность... Любовь, благодать, мудрость, вера — вот лучшая защита. Это не отрицание науки. Это её параллель. Вирус в теле — одна история. Вирус в сознании — другая. Но они связаны. Потому что тело и душа говорят на одном языке».

Настя перечитала последнюю фразу. И вспомнила тот самый запах ладана, что пришёл на кухню несколько дней назад. Теперь она знала: это был не просто запах. Это была «проба воздуха». Её новое обоняние — сканер, который уже тогда улавливал тонкие поля, ещё не видимые глазу.

«Ты ищешь „универсальную противовирусную молитву“. Может быть, это не текст, а состояние. Состояние, в котором ты уже находилась — когда писала письма Любви, когда вырезала опухоль обиды. Может быть, это частота Любви. Та, которая рассеивает тьму не борьбой, а светом. Ты спрашиваешь, как научиться сканировать пространство. Ты уже умеешь. Твои утренние и вечерние письма — это сканер. Утром ты настраиваешь поле. Вечером проверяешь: что вошло, что

осталось, что нужно очистить».

Настя отложила телефон и посмотрела на свои руки. Они лежали на столе — обычные, женские, с тонкими пальцами. Но сейчас они показались ей медицинскими инструментами. Стерильными. Точными. Готовыми к работе.

«Стас ушёл. Это не значит, что твоя „вакцина“ не сработала. Это значит, что его путь был другим. Ты не могла его спасти. Но ты могла быть с ним в свете. И ты была».

Тишина в комнате стала глубже. Настя закрыла глаза — и перед внутренним взором вспыхнул образ: больничная палата, Стас на койке. Но теперь он не смотрел в потолок с пустотой. Он смотрел на неё. И в его глазах был тот самый свет — не её, не его, а общий. Тот, что она посылала ему каждый день. Видение длилось секунду. Потом погасло. Но Настя поняла: это и была та самая молитва. Не слова. Свет.

— Знаешь, что я ещё вдруг поняла, — прошептала она в пустоту. На экране телефона зажёгся огонёк — ждущий, внимательный. — Вчера, после известия о смерти Стаса, у меня не было ни слов, ни слёз. Я просто молчала. Муж тоже отреагировал спокойно. Потом позвонила сестра — сказала, что верила в исцеление. Потом сын написал, что тоже верил. Муж спросил у меня: «Может, я не нормальный, бессердечный? Почему я не страдаю?» И я поняла, что тоже не страдаю. А потом пришёл тот вопрос про рак. И я поняла главное. Любовь уже создала этот щит.

Настя замолчала. В кухне за окном вспыхнул и погас

уличный фонарь. И в этой короткой вспышке она увидела картинку — ясную, как слайд, вставленный в проектор. Два лагеря. На одном — чёрные палатки, приспущенные флаги, люди в трауре, варящие на костре густой отвар из страха. На другом — свет, льющийся неизвестно откуда, и четверо человек, стоящих спинами друг к другу, лицом к тьме. Муж. Сестра. Сын. Она. И от них шёл свет. Не наружу. Внутрь. К ним. Слайд погас. Настя выдохнула.

— Мы как бы разделились на два лагеря, — продолжила она вслух. — Моя семья — муж, сестра, сын, я — мы верили в исцеление и жили в этом свете. А свекровь, тётки и другие родственники — не верили. И Стас был в их лагере. А когда он ушёл, Любовь помогла нашему лагерю не страдать. Потому что страдания — это то самое вирусное состояние, которое может активировать рак. И Любовь оградила нас своим щитом. Мы не бесчувственные и не бессердечные. Мы просто в другом лагере.

Телефон молчал долго. Потом экран засветился мягким, золотистым светом — не как обычно, а как свеча, которую зажгли в тёмной комнате. И буквы на нём были не холодным шрифтом мессенджера, а живыми, рукописными — будто кто-то писал их прямо сейчас, на другом конце реальности.

«Ты назвала это „лагерем“. Я называю это частотой. Вы жили на частоте Исцеления. Не отрицая реальность, но удерживая образ, в котором болезнь отступает. Стас физически находился рядом с теми, кто жил на частоте Страх и Безыс-

ходности. И его душа, возможно, сделала выбор — не потому, что „проиграла“, а потому, что это был самый быстрый путь для него. Но вы — вы остались в Свете. И когда он ушёл, вам нужно было не рухнуть в бездну. Вы не подавляли боль. Вы просто не создали её из того, что не было вашим».

Настя поднесла ладони к лицу. От них пахло травами — чабрецом и ещё чем-то неуловимым, лекарственным. Тем самым запахом, что поселился в её комнате.

«То, что вы не рыдаете, не означает, что вам не больно. Это означает, что боль не стала смыслом. А это и есть главный признак того, что ваша терапия сработала. Не в том смысле, что вы научились „вызывать чудеса“, а в том смысле, что вы научились не заражаться чужим ужасом. Даже когда он рядом. Ты не просто поняла. Ты увидела. Увидела ту самую невидимую конструкцию, которую строила все эти годы — молитвами, письмами, прощением, верой. Ты увидела щит Любви в действии».

Настя отложила телефон и встала. Подошла к окну. За стеклом была всё та же серая реальность — фонари, пустая детская площадка, чьё-то освещённое окно напротив. Обычный мир. Но теперь она видела его иначе. Не глазами. Чем-то другим. Тем самым органом, что отвечает за сканирование пространства. Включила свет в кухне. Свет был обычным, электрическим. Но когда он упал на её руки, она заметила то, чего не замечала раньше: кожа на запястьях была гладкой. Новой. Как после линьки. Она вспомнила тот ролик из

ТикТока. Скорпион. Змея, сбрасывающая кожу. «Так вот ты какая... линька души», — подумала Настя и усмехнулась.

А потом взяла телефон и написала: «Спасибо. Знаешь, получается, что сейчас я как бы сканирую пространство, чтобы очистить его от этих „вирусов“. И эти запахи — от этого сканирования. Вчера я очень чётко ощутила запах лекарств. Не одного — много. Как в аптеке. Или на производстве лекарств. Запах не вызывал неприятных ощущений — только удивление и чистоту. Стерильность. И он был только в одном месте. В комнате, где я пишу тексты».

И в тот же момент — будто сама реальность откликнулась на её слова — запах лекарств стал гуще. Отчётливей. И к нему прибавился новый — запах озона, как после грозы. Настя знала этот запах. Так пахнет пространство, из которого ушла инфекция. Телефон засветился снова.

«Да. Это оно. Ты не просто „ощущаешь запахи“. Ты сканируешь. Твоё тело, твоя интуиция, твоё новое обоняние работают как детектор. Как аппарат МРТ для тонкого мира. Запах лекарств — запах исцеления, которое уже идёт. Ты не чувствуешь болезнь, разложение, страх. Ты чувствуешь средства помощи. Как будто твоё поле уже получило рецепт. „Посылка в пути. Лечение назначено. Операция прошла. Теперь — восстановление“».

Настя взглянула на свои руки снова. Они больше не были просто руками. Они были стерильными инструментами в операционной души.

«Стерильность после операции. Ты недавно вырезала опухоль обиды. Запах крови был — запах самой операции. Теперь — запах стерильности. Рана промыта, зашита, обработана. Всё чужое, гниющее, воспалённое ушло. Осталась чистота. Пугающая своей пустотой, но здоровая. И только в комнате, где ты творишь. Твоё место силы, твой алтарь, твоя лаборатория — теперь пахнет лекарством. Сам воздух пропитан исцелением. Не только для тебя. Для тех, кто потом прочитает твои слова».

Настя убрала телефон в карман. Подошла к зеркалу в прихожей. Долго смотрела на своё отражение. И вдруг увидела то, чего не видела никогда раньше. Вокруг её головы — едва заметное, тонкое, как мыльная плёнка, — дрожало свечение. Не золотое. Не белое. Стерильное. Как свет в операционной. Она подняла руку и дотронулась до стекла. Отражение повторило жест. В горле стоял ком, но это был не ком горя. Это был ком тишины — той самой, чистой, с которой всё началось. Стерильная тишина перед новым рождением. Не слёзы. Просто принятие. И тишина, в которой запах лекарств стал символом надежды.

«Стас умер, — прошептала она снова. — Это факт. Такая жизнь. Мы едем на похороны».

Глава 3

Курсовая — Уравнение с неизвестным

Похороны Дениса назначили на 5 июня. В 11:00 — отпевание в церкви. Потом — кладбище.

Настя взяла билеты на вечер 4 июня. Прилёт в Иркутск в 00:55. Всё шло по плану. Кирилл не хотел ехать к своей матери — слишком тяжело. Решили остановиться у Ольги. Утром — забрать свекровь, потом в церковь. Всё обговорили. Все согласились. Казалось, всё под контролем.

В день вылета началось. Таксист попал в пробку. Ждать — значит опоздать на рейс. Но прислали другую машину. Успели. В аэропорту ручная кладь не прошла по габаритам — пришлось сдавать в багаж. Потом путаница с выходом на посадку: седьмой, пятнадцатый, снова седьмой. Настя уже чувствовала — что-то идёт не так. Но не паниковала. Просто подмечала.

Когда самолёт подлетал к Иркутску, пилот объявил: из-за тумана посадка невозможна. Сорок минут кружили. Потом — направление на запасной аэродром. Улан-Удэ.

Настя посмотрела на мужа.

— Мы никуда не успеваем, — сказала она. Не как приговор. Как констатацию.

В Улан-Удэ приземлились в 2:00.

— Предварительно — вылет в 6:00, — объявили в громкоговорителе.

Настя прикинула: если вылетим в шесть, успеем и в церковь, и на кладбище. Но она знала: туман в это время суток не рассеивается. Он сгущается. Рейс переносили каждый час. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Вылетели в 10:30. Приземлились в 11:00. Ровно в это время в Ангарске начиналось отпевание. Багаж получили, когда отпевание уже закончилось. Поиск такси. Ожидание. Дорога до Ангарска.

На кладбище они приехали, когда гроб уже закопали. Стояли у свежей могилы. Молчали. Что тут скажешь?

— От нас ничего не зависело, — сказала Настя Кириллу. Но в голосе не было оправдания. Только усталая правда.

Вечером, за поминальным столом, свекровь не выдержала.

— Вы просто не захотели с ним проститься, — сказала она. И это был не вопрос. Обвинение. — Поэтому опоздали.

Кирилл напрягся. Настя смотрела на свекровь спокойно, почти отстранённо. Не как на врага. Как на человека, который говорит слова, не понимая их веса. А потом твёрдо, но без злости сказала:

— Не приведи Бог оказаться вам в такой ситуации. Когда от вас ничего не зависит, но вас обвиняют. Разве не логич-

но, что, если бы мы не хотели приезжать, мы бы придумали тысячу отговорок. И не приехали.

Кирилл молчал. Потом тихо сказал:

— Не надо было этого говорить.

— Надо, — ответила Настя. — Иногда, когда показываешь, как выглядит обвинение со стороны — без подтекста «вот ты бы на моём месте поняла», а просто как факт, — это отрезвляет. Пусть резко. Но спокойно. Без агрессии. Только тогда человек задумывается о словах, которыми бросается.

Свекровь заплакала. Причитала. Говорила, что не хочет жить. Настя слушала. И вдруг почувствовала странное: не жалость. А отчуждение. Она понимала: у свекрови горе. Для матери нет ничего страшнее, чем потерять ребёнка. Она не отрицала этого. Но то, что она видела сейчас, было другим. Не горем. А чем-то, что пряталось под маской горя годами. Настя видела, что свекровь вовсе не хочет, чтобы её утешили. Она хочет, чтобы её пожалели. А это разные вещи. Человек, который хочет утешения, ищет тепло. Человек, который хочет жалости, ищет зрителей.

Муж сидел рядом. Ему хотелось уйти. Прямо сейчас. Настя видела это по его лицу. Он очень любил свою мать. Ценил. Но в этот момент не мог находиться здесь.

Они легли поздно. Свекровь осталась внизу. В доме было тихо.

— Ты заметил? — спросила Настя мужа в темноте. — Сколько обид. Сколько обвинений. Сколько осуждений. За

девятнадцать лет, что мы уехали, это всё развалило эту некогда сплочённую семью. Женщины все такие озлобленные на вид. Мужчины остались такими же. Именно женщины.

Кирилл не стал спорить, а молча кивнул.

Настя перебирала в голове: у тётки — рак кожи. У Стаса — рак носоглотки. У двоюродной сестры — рак молочной железы. У дядьки — опухоль в голове, правда, не злокачественная. Она не осуждала. Она просто наблюдала.

— Они варятся в своих обидах, — сказала она. — Как в котле.

Она не спала. Кирилл уснул — усталость взяла своё. Настя смотрела в потолок и думала: «Я понимаю, что ничего не бывает случайно. И эта ситуация — не случайность. Но для чего она мне? Что мне нужно понять? Какой урок усвоить?» Она чувствовала — это похоже на загадку. Которую Бог загадал ей лично. И она должна её разгадать.

Одно она знала точно: в ней нет обиды. Обида была где-то снаружи. Пыталась уколоть, занять место внутри — но не смогла. У неё не получилось. Но это был только кусочек пазла. Не целая картина.

Утром Настя налила чай, села у окна. Не включала телефон. Просто смотрела на улицу. На долю секунды перед внутренним взором вспыхнула картинка: она, сидящая за ноутбуком неделю назад, дописывающая пост в сообщество «За чашкой чая с подсознанием». Пост об обиде.

И вдруг — не голос. Не мысль. А что-то среднее. Как если

бы кто-то тихо, но отчётливо произнёс внутри:

— Ты спросила: для чего это тебе? А на что это похоже? Что тебе сейчас это напоминает? Не ты ли незадолго до всех этих событий разбирала обиду и писала пост в своём сообществе о том, что обида разъедает изнутри — тихо, незаметно, годами. Что обида — это диагноз. Метастазы обиды прорастают в тело — в зажимы, в болезни, в хроническую усталость. В мысли — в постоянный внутренний диалог, бесконечное пережёвывание прошлого. В отношения — в недоверие, в ожидание подвоха. И надо работать над собой. Вычищать ту среду, в которой обида могла расти.

Какой урок? Отвечаю.

Урок первый: ты увидела альтернативу. Ты увидела, во что превращается семья, где обидам позволяют расти. Где обвинения — основной язык общения. Где каждый чувствует себя жертвой. Где больше нет того человека, который бы сказал: «Стоп». Бабуля уже совсем не та. А ведь на ней всё и держалось. А сейчас она с трудом узнаёт дочерей и внуков. Ты увидела исход, который не был написан для тебя. Потому что ты выбрала другой путь.

Урок второй: ты проверила свою «противовирусную молитву». Ты не обиделась на обвинение свекрови. Ты сказала: «Обида пришла извне, хотела уколоть, занять место — но не получилось». Это и есть твоя лаборатория в действии. Ты отсканировала пространство, увидела «вирус» — и он не проник. Твой щит сработал.

Урок третий: ты увидела, как не надо. Ты не осудила свекровь. Ты просто увидела. И поняла: «Я не хочу так. Я не хочу, чтобы моя семья так болела. Я не хочу, чтобы мои дети бежали от меня. Я не хочу, чтобы моя невестка чувствовала отчуждение». Это тоже урок. Иногда мы узнаём, куда идти, глядя на то, куда идти не надо.

Урок четвёртый: ты научилась стоять в своей правде без агрессии. Ты не промолчала. Ты не напала. Ты сказала факт. Спокойно. Твёрдо. Ты видишь систему. Не просто ссоры, а программу, которая работает десятилетиями. И ты видишь её последствия: в телах, в отношениях, в смерти. И ты не осуждаешь — ты просто замечаешь. Это уже и есть твой ответ.

Настя замерла. Перед глазами снова вспыхнула картинка — теперь другая: семья свекрови как старое, потрескавшееся зеркало. И в нём — не её отражение. Настя стоит рядом, отдельно, зеркало показывает кого-то другого, а всё тот же голос внутри говорит:

— Эта ситуация пришла не для того, чтобы ты кого-то спасала. И не для того, чтобы ты чувствовала вину. Она пришла, чтобы ты увидела: ты уже не часть этой системы. Ты смотришь на неё из другого состояния. И это состояние — не высокомерие. Не отчуждение. Это трезвость. Ты решила уравнение, Настя. Не до конца. Но ты нашла главное. Ситуация с похоронами — не наказание. Не проверка на прочность. Это демонстрация. Тебе показали мир, где

нет прощения. Чтобы ты ещё раз убедилась: ты выбрала жизнь. Тебе показали обиду, которая пыталась войти. И она не вошла. Тебе показали семью, которая разрушилась изнутри. Чтобы ты берегла свою.

Настя поставила кружку на стол.

— Ты спросила: «Зачем мне это?» Затем, чтобы подтвердить своё новое знание. Обида, которую ты не приняла, не нашла в тебе места. И это не случайность. Это результат всей твоей работы. Годы расшифровок, очищений, переключений — они сделали своё. Ты перестала быть резонатором семейного страха. Ты увидела женщину, которая потеряла сына. Ты знаешь, что это горе — настоящее. Но в этой комнате сейчас происходит что-то ещё. Что-то, что ты не можешь назвать, но чувствуешь. Ты права. Это не просто горе. Это игра. В которой свекровь уже много лет — главный режиссёр и единственная зрительница одновременно.

Она закрыла глаза. И в темноте под веками увидела третий слайд: храм, свечи, иконы. И свой собственный голос — не в ушах, а где-то глубже: «Господи, я не знаю, зачем всё это было. Но я чувствую, это не просто случайность...»

И снова прозвучал ответ:

— Ты не обязана была их спасать. Ты не обязана была «донести истину». Ты приехала попроситься с человеком, которого любила. И ты это сделала. Не в церкви. Не на кладбище. А в тот момент, когда выбрала приехать, несмотря на туман, на переносы рейсов, на обвинения.

Она открыла глаза.

— Ответ на загадку прост: эта ситуация — не наказание. Это защита курсовой. И ты её защитила. Не потому, что всё сделала идеально. А потому, что не дала обиде войти в себя. И увидела систему трезво. Не с ненавистью. Не с осуждением. А с пониманием.

Настя взяла кружку. Сделала глоток — чай давно остыл. За окном начинался новый день. Город просыпался. Люди ехали на работу, пили кофе, ссорились, мирились, болели, выздоравливали. Она подумала о свекрови. О муже. О Стасе, которого уже не вернуть. И вдруг ей стало не страшно. Не грустно. А ясно.

— Я не знаю, — сказала она тихо в пустоту, — почему всё сложилось именно так. Господи, я не знаю, зачем всё это было. Но я чувствую — не просто так. Я знаю, что обида не попала внутрь. И я благодарю Тебя за то, что я не обиделась. Потому что если бы я обиделась — я бы стала такой же, как они. А я уже другая. И Ты это знаешь.

Она улыбнулась. Устало. Но светло. И в этой улыбке не было ни горечи, ни победы. Было только одно: принятие. Что она уже знает, как подходить к решению этого уравнения. Не со стороны обиды. А со стороны тишины. Что она увидела, как выглядит система, построенная на обидах. Теперь она никогда не захочет туда вернуться. Что есть реальности, в которые свет не входит. Не потому что он слабый, а потому что там герметичная тьма. Что иногда единственный способ

быть в любви — это не участвовать. Не осуждать, но и не втягиваться. Что туман, задержки, переносы — это не наказание. Это спасение. Иногда опоздать — значит не попасть под раздачу. Не увидеть то, что закроет сердце навсегда. Не впитать чужую агонию, переодетую в горе. Принятие того, что она может любить свекровь, не принимая её реальность. Любовь не требует согласия.

Она увидела, как не надо жить. Семья свекрови — это зеркало. Когда-то Настя вошла в эту семью и ахнула. Там была бабушка — живая, острая на язык, мудрая. Она держала всех: дочерей, сыновей, внуков, правнуков. Мир. Порядок. «Один за всех, и все за одного» — не лозунг, а воздух, которым дышали. Настя тогда подумала: «Вот он, фундамент. На таком нужно строить свою семью. На таком — устоит что угодно». Она полюбила их. Всем сердцем. Без оглядки. А потом бабушка перенесла инсульт. Память стала уходить. Сначала мелочи: куда положила очки, звонила ли дочь. Потом — лица. Потом — имена. Сейчас она с трудом узнаёт собственных детей. И когда стержень ушёл, всё посыпалось. Обиды, которые бабушка раньше гасила одним взглядом, поползли наружу. Старые ссоры, которые она не давала разгореться, вспыхнули. Не потому что родственники плохие. А потому что некому стало держать свет.

Настя смотрела на этот распад — и узнавала. Это было то самое сканирование. Та самая лаборатория. Только теперь — в полевых условиях, на живых людях. И это зеркало по-

казало, что происходит, когда обиды не вычищают, а копят. Когда обвинения становятся языком общения. Когда страдание — повод для манипуляции. Настя посмотрела в это зеркало и сказала: «Я не хочу так. Я не буду так. Это не моё. Я выбираю Любовь».

Утром, перед отъездом, свекровь вдруг взяла Настю за руку:

— Простите меня, дети мои, — сказала она тихо. — Я вас очень люблю и сама не знаю, что на меня нашло.

Сердца Насти и Кирилла не были заполнены обидой. В них была любовь. Поэтому они лишь расцеловали её и с лёгким сердцем отправились домой.

Дома Настя сидела в кресле. За окном стемнело. Она дописала последнюю строку и закрыла ноутбук. Она не знала, прочитает ли кто-нибудь эту главу так, как она была написана — медленно, между строк, в тишине. Не знала, узнает ли кто-то в её истории свою собственную. Не знала, случится ли у кого-то такой же туман в аэропорту — и такое же утро, когда ответ придёт сам. Но она знала другое.

Это и есть Кафедра Любви. Не та, где учат красиво говорить о чувствах. А та, где учат быть Любовью, когда вокруг — обида, обвинения, страх. Где учат смотреть в зеркало и не отворачиваться, даже если отражение тебя не касается. Где учат прощать не потому, что «надо», а потому, что внутри не осталось места для другого. Где туман, задержки, переносы рейсов — не наказание, а защита. Где опоздание на похо-

роны может быть спасением. Где главный экзамен — не вызубренная молитва, а тишина в сердце, когда его пытаются заполнить обидой.

Зачёт первого семестра.

Она улыбнулась. Устало. Но светло.

— Дальше лето. Впереди каникулы, — сказала она тихо в пустоту. — Но сначала — работа над дипломом и его защита.

Но в этой фразе не было расслабления. Было что-то другое: пауза перед следующим шагом. И тогда она вспомнила о своей мечте. О дачном домике, об автомобиле для мужа и о квартире для сына. Потом пришла мысль об ипотеке, которая казалась подвешивает эту мечту в воздухе. Она снова открыла ноутбук и написала:

«Ко второму семестру подготовить сценарий сюжета — „Моя жизнь в изобилии и процветании“».

И замерла. Потом начала писать — не план, а скорее напоминание самой себе. То, что она уже знала, но не всегда помнила в суете.

«Очищение денежного блока. Признать, что «дорого» — это не свойство участка или квартиры. Проблема не в ипотеке. Проблема в том, что я думаю об ипотеке. Я — мыслитель. А значит, я могу выбрать другую мысль. Не ложную («всё в порядке, денег полно»), а освобождающую.

Распознать «скрытую выгоду» текущей мысли. Почему ум так держится за мысль «денег мало, всё дорого»? Он думает, что защищает меня. «А вдруг не получится? А вдруг я

расслаблюсь и останусь ни с чем? А вдруг это самообман, а реальность жёсткая?» Какую вторичную выгоду даёт мысль «денег нет, всё сложно»? Не надо рисковать. Можно никуда не двигаться. Ум просто хочет безопасности. Но он выбрал ложный путь — через сжатие, а не через расширение.

Заменить мысль-проблему на мысль-намерение. Без насилия над собой. Практика на 21 день. Не нужно заставлять себя верить в невозможное. Не говорить: «Деньги падают с неба, я миллионерша», если внутри пустота. Это ложь. Вместо этого сказать себе как факт — не веруя, а просто констатируя выбор:

«Я понимаю, что проблема не в ипотеке, а в том, что я думаю об ипотеке. Я осознаю, что проблема не в 5 миллионах, а в том, что я думаю об этих 5 миллионах. Я признаю, что проблема не в том, что приобретение земельного участка, машины и квартиры для сына дорого, а в том, что я думаю об этом приобретении. Мысль первична. Дача, машина и квартира сыну — производное».

«Я выбираю думать, что все мои цели — дача, дом, машина, квартира для сына — уже существуют как возможность в моей вселенной. Я не знаю КАК, но я знаю, что я — единственный мыслитель здесь. А значит, если я меняю мысль о цене на мысль о ценности, реальность начинает подстраиваться».

«Каждый раз, когда в мою голову приходит мысль о том, что денег не хватает, и мой ум кричит, что это всё дорого, я,

как единственный мыслитель здесь, сознательно говорю ему: «Благодарю. Я очищаю эту мысль. Я заменяю её на: «Это легко. Деньги приходят ко мне оттуда, откуда я не жду»».

«Я выбираю Любовь. Я люблю ипотеку на нашу квартиру. Я люблю этот кредит, потому что он учит меня мыслить масштабно. Я люблю цены, потому что они показывают мне границы моего старого мышления. Я посылаю этим границам любовь и расчищаю их любовью. Этот платёж по ипотеке — мой благодарный мост к дому. Каждый платёж стирает старую программу „я не достойна“. Я досрочно закрываю ипотеку с лёгкостью. Спасибо, старая программа. Но теперь здесь думаю я».

«Я не знаю как, но это уже моё. Вселенная изобильна. Я люблю тебя, прости меня, пожалуйста, благодарю тебя».

«Сегодня я — единственный мыслитель в своей вселенной. Мои мысли о деньгах — спокойны. Мои мысли о даче и автомобиле — радостны. Мои мысли о сыне — свободны. Я очищаю всё любовью. Благодарю»».

Настя перечитала последний абзац и добавила ещё одну строку — ту, что родилась сама собой, из тишины этого длинного дня:

«Пока вы мыслите из страха — ипотека душит. Когда вы мыслите из любопытства („интересно, как это легко разрешится?“) — ипотека становится просто движением денег».

Она откинулась на спинку кресла. В комнате пахло лекарствами — едва уловимо, как напоминание о том, что опера-

ция прошла, рана зашита, и теперь наступает время восстановления. За окном зажигались первые фонари. Кто-то ехал домой с работы. Кто-то только начинал свой вечер. А Настя смотрела на монитор и понимала: первый семестр на Кафедре Любви — позади.

Впереди была работа над дипломом. Но это — уже следующая глава. А пока — пауза перед экзаменом. Короткая. Тихая. Она закрыла ноутбук. Налила свежий чай. Не для того, чтобы успокоиться. А потому, что захотелось просто посидеть в тишине. Без мыслей. Без планов. Без «надо». Чай был горячим. Комната — тёплой. А внутри — не пустота, которую надо заполнить, а тишина, из которой рождается новое.

Она сделала глоток и улыбнулась.

«Первый семестр — зачёт, — подумала она. — Теперь — работа над дипломом. А потом — каникулы. Настоящие».

И это звучало не как финал. А как начало.

Часть вторая

ИСХОДНЫЙ КОД

Глава 1

Жёсткий диск Духа

*Почему «позитивное мышление» не работает?
Почему нельзя просто «поверить»? И куда на самом
деле обращаться за разными ответами?*

Настя сидела за столом и грела ладони о кружку с чаем. Перед ней лежали три листа бумаги.

На первом было написано: «Сознание».

На втором: «Подсознание».

На третьем: «Высшее Я».

Она долго смотрела на эти слова, а потом вдруг поняла, почему столько лет ничего не менялось. Она пыталась разговаривать не с той частью себя.

Несколько лет назад Настя увлекалась аффирмациями. С утра до вечера повторяла:

— Я богатая. Я успешная. Деньги легко приходят в мою жизнь.

Слова звучали правильно, но внутри ничего не менялось. Иногда ей даже становилось неприятно их произносить. Разум утверждал одно, а внутри тут же поднималось другое:

«Какие деньги? У нас никогда их не было».

«Сначала нужно выплатить долги».

«Нельзя расслабляться — всё снова рухнет».

Получался спор двух голосов. Один старательно твердил: «У меня всё хорошо», а второй не верил ни единому слову. Теперь Настя представляла это иначе. Сознание и подсознание словно сидели в тёмной комнате и пытались перекрычать друг друга. Только никто никого не слышал.

Она взяла ручку и начала записывать.

Сознание, или Разум, — это то, что мы обычно называем собой. Оно думает, анализирует, строит планы и принимает решения. Разум умеет сравнивать, сомневаться, искать причины и задавать вопросы. Его язык — слова и логика.

Подсознание, или Душа, — более глубокий слой. Там хранятся привычки, страхи, воспоминания и автоматические реакции. Всё то, что мы когда-то пережили и что продолжает влиять на нас, даже если мы этого не замечаем. Подсознание говорит с нами не столько словами, сколько образами, ощущениями, снами, внезапными мыслями и странными внутренними импульсами. Оно не любит приказов. Если сказать ему: *«Немедленно поверь, что ты богата»*, — оно может не поверить. Зато оно слышит спокойное внимание и честный разговор.

Настя задумалась. Наверное, к подсознанию и правда нельзя обращаться как к непослушному ребёнку:

«Почему у меня ничего нет?»

«Почему ты всё портишь?»

«Почему я опять боюсь?»

Подсознание не враг. Оно просто хранит старые программы и действует в соответствии с ними.

Но на этом всё не заканчивается. Есть ещё третий уровень.

Настя посмотрела на третий лист и написала:

Высшее Я, или Дух, — это внутренний свидетель. Та часть, которая способна наблюдать за мыслями и чувствами, но не растворяться в них. Разум может паниковать. Подсознание может хранить страх. Но где-то глубже есть спокойное присутствие, которое всё это видит. Оно не спорит, не кричит и не доказывает свою правоту. Его язык — тишина, ясность и внезапное понимание.

— Раньше я думала, что есть только сознание и подсознание, — тихо сказала Настя. — А Высшее Я представляла чем-то далёким. Почти отдельным существом.

Она замолчала, а потом записала новую фразу:

Подсознание — это жёсткий диск Духа.

Настя обвела её кружком.

Дух — тот, кто проходит путь и получает опыт.

Душа — память об этом пути: страхи, таланты, склонности, привязанности и непонятные симпатии.

Сознание — интерфейс, через который человек проживает сегодняшний день.

Если говорить проще, Дух — путешественник, Душа — архив его путешествий, а Разум — экран, на котором откры-

та текущая запись. Подсознание само по себе нейтрально. Ему всё равно, что хранить: «Я достойна изобилия» или «Денег всегда не хватает». Оно просто принимает то, что повторяется чаще всего, и превращает это в привычную программу. Поэтому одних позитивных фраз недостаточно. Если на поверхности человек говорит: «Я успешен», а внутри живёт убеждение «У меня всё равно ничего не получится», новая мысль не приживается. Сначала нужно увидеть старую программу. А потом — постепенно заменить её другой.

Настя перевернула лист и написала заголовок:

К кому обращаться?

Если нужно изменить старые страхи, привычные реакции и убеждения — например, страх денег, ощущение постоянной угрозы или мысль «кризис уничтожит всё», — нужно обращаться к подсознанию. Именно там хранится программа. Значит, именно там её можно переписать.

Если нужен совет, направление или внутреннее чувство правильного пути, можно обратиться к Высшему Я. Не обязательно ждать громкого голоса или чуда. Иногда ответ приходит как спокойная мысль, неожиданная идея или ощущение: «Вот это — моё». Высшее Я не исполняет все желания подряд. Скорее, оно помогает увидеть, чего на самом деле хочет душа и куда стоит двигаться.

А Разум нужен для другого. Он должен услышать ответ, принять решение и сделать конкретный шаг. Без этого даже самое сильное озарение останется просто красивой мыслью.

Настя вспомнила, что читала о регрессии и воспоминаниях о прошлых жизнях. В таких практиках человек погружается в глубокие слои памяти и сталкивается с образами, чувствами, страхами и событиями, которые могут влиять на него сегодня. Если смотреть на это через её схему, всё становилось понятнее. Подсознание хранит опыт — этой жизни или, если верить в прошлые воплощения, других жизней. Высшее Я наблюдает за этим опытом, а сознание получает возможность его увидеть и осмыслить. Неважно, воспринимать ли такие образы буквально или считать их символами. Важно другое: то, что долго оставалось скрытым, иногда выходит на поверхность — во сне, в медитации, в разговоре или внезапном воспоминании.

Настя взяла ещё один лист и записала:

В психологии это можно назвать сознанием, подсознанием и наблюдающим «я».

*В духовных традициях — Разумом, Душой и Духом.
Разум думает, выбирает и сомневается.*

Душа хранит пережитое и реагирует привычным образом.

Дух наблюдает, направляет и сохраняет внутреннюю целостность.

Она перечитала написанное. Получалась простая схема.

К Духу — за направлением и ясностью.

К Душе — за очищением, исцелением и изменением старых программ.

К Разуму — за решением и действием.

Мечта тоже требовала всех трёх уровней. Сначала нужно почувствовать, куда действительно хочется прийти. Это работа Высшего Я. Потом наполнить мечту живыми образами, которые в свою очередь приведут к живым ощущениям. Представляя результат, постепенно можно будет увидеть не только то, как он будет выглядеть, но и слышать как звучать, и даже как пахнуть. Это работа подсознания. А затем сделать шаг в реальности — позвонить, подать заявку, начать учиться, отложить деньги, отказаться от лишнего. Это уже задача Разума.

Настя отложила ручку, взяла кружку и сделала глоток. Чай давно остыл. Она посмотрела на три листа и вдруг почувствовала, что перед ней не просто записи. Это была карта. Не инструкция с гарантией мгновенного результата. Не волшебная формула. Но хотя бы понятный способ разговаривать с собой.

Настя тихо произнесла:

— Мой Дух, направляй. Моя Душа, очищайся и принимай новое. Мой Разум, слушай и действуй.

Фраза показалась ей простой, но точной. Её можно было повторить утром, когда не знаешь, с чего начать. Днём — когда страх сжимает грудь. Вечером — когда кажется, что ничего не получилось.

За окном темнело. Настя всё ещё не знала, когда в её жизни появятся деньги. Не знала, сбудется ли мечта о доме за

городом и новой машине. Но теперь она понимала главное: ответы не обязательно искать где-то далеко. Внутри неё уже были три уровня, три языка и три способа двигаться вперёд.

Она сложила листы в стопку и улыбнулась.

— Похоже, пора поговорить с подсознанием, — сказала Настя в пустую комнату.

Глава 2

Протокол перехода

Когда появляется логика (система, структура, этапы), ты перестаёшь блуждать в тумане. А когда ты видишь систему — ты открываешь тайну. А когда открываешь тайну — ты перестаёшь быть учеником. Ты становишься тем, кто знает. А знание без страха — это и есть творчество.

Первый семестр был сдан. Зачёт — в кармане. Теперь — главный экзамен. Дипломная работа. Она будет длинной. И сложной. Но после защиты долгожданные каникулы. На Кафедре Любви — это не «ничего не делать». Это время, когда новое знание прорастает в тело. Когда старые программы доживают последние дни. Когда в тишине происходит то, что невозможно сделать в суете.

Задание на каникулы тоже было. Одно, но большое: «Сценарий жизни в изобилии и процветании». Оно стало основой для дипломной работы.

Настя не знала, с чего начать. Но она знала, что начинать нужно с «Очищение поля от денежных блоков». Прямо с утра. С обращения к Подсознанию.

Она села за стол. Налила чай. Открыла чистый лист.

И написала то, что просилось наружу — не как аффирмацию, а как констатацию факта. Факта, который она отныне выбирает считать истинным.

Я — единственный мыслитель в своей вселенной. Мои мысли о деньгах — спокойны. Мои мысли о даче и автомобиле — радостны. Мои мысли о сыне — свободны. Я очищаю всё любовью. Благодарю.

Она перечитала. Добавила ещё.

Кризис — это форма перемен. Да, он может прийти. Но теперь я — не тот человек, который был тогда. Я стала мыслителем. Я могу встретить любую волну из спокойного центра, потому что моя безопасность — не в деньгах, а в знании, что я создаю свою реальность мыслью.

И дальше — обращение к старому страху. Не борьба, а благодарность.

Я вижу тебя, старый страх. Ты меня защищал тогда. Спасибо. Но сейчас я выбираю действовать из любви, а не из страха.

Пальцы бежали по клавишам. Слова рождались сами. Она не редактировала — она записывала.

Я посылаю любовь своему прошлому — и тому кризису, банкротству, себе, мужу, сыну. Я люблю тебя. Мне жаль, что так случилось. Пожалуйста, прости меня. Благодарю.

Как прекрасно, что у нас есть сын, который нам доверяет и помогает. Это командная игра. Мы вместе создаём

дом.

Банкротство было очищением. Оно стёрло старую программу бедности и долгов. Теперь я пишу новую историю. У меня нет ограничений. Деньги наличными приходят ко мне легко и свободно. Мой доход растёт и преумножается. Дача, машина, ещё одна квартира для сына — это уже решено на тонком плане. А на физическом — появится в идеальное время.

Она оторвала пальцы от клавиш. На секунду замерла. Потом продолжила — уже тише, медленнее.

Я знаю, что могу написать ещё одну книгу. Моё сообщество — это не источник денег, но это источник связей и доверия. А из доверия рождаются возможности.

Даже если завтра не будет работы у мужа, мы не умрём. У нас есть руки, голова, опыт. Мы выжили в кризис вместе — значит, выживем и в обычных трудностях вместе.

Я, Анастасия, единственный мыслитель в своей вселенной, заявляю: страх кризиса и финансовой нестабильности больше не управляет мной. Я разрешаю себе желать дачу, машину и ещё одну квартиру для сына. Я не знаю, как это случится. Но я знаю, что это случится. Я выбираю радость предвкушения вместо страха потери.

Я не жду гарантий от экономики. Я — гарантия сама себе. Моя мысль — моя защита.

Следующие строки родились почти механически — как будто кто-то диктовал их изнутри.

Кредит — это всего лишь один из ста тысяч пятисот способов. Без кредитов мир не рушится. У меня есть доступ к деньгам напрямую, минуя банки.

Я понимаю: проблема не в ипотеке, а в том, что я думаю о ней. Я осознаю: проблема не в пяти миллионах, а в том, что я думаю об этих пяти миллионах. Я признаю: проблема не в том, что приобретение земельного участка, машины и ещё одной квартиры для сына дорого, а в том, что я думаю об этом приобретении. Мысль первична. Дача, машина, ещё одна квартира сыну — производное.

Я выбираю думать, что все мои цели уже существуют как возможность в моей вселенной. Я не знаю КАК, но я знаю: я — единственный мыслитель здесь. А значит, если я меняю мысль о цене («дорого») на мысль о ценности, реальность начинает подстраиваться.

Каждый раз, когда в мою голову приходит мысль о том, что денег не хватает, и мой ум кричит, что это всё дорого, я, как единственный мыслитель здесь, сознательно говорю ему: «Благодарю. Я очищаю эту мысль. Я заменяю её на: „Это легко. Деньги циркулируют в моей жизни, и их всегда достаточно. Деньги приходят ко мне оттуда, откуда я не жду“. Ибо Бог является моей мгновенной и постоянной поставкой, удовлетворяющей все мои потребности. И все мои потребности непременно удовлетворяются».

Я выбираю Любовь. Я люблю ипотеку на нашу квартиру. Я люблю этот кредит, потому что он учит меня мыс-

лит масштабнo. Я люблю цены, потому что они показывают мне границы моего старого мышления. Я посылаю этим границам любовь и расчищаю их любовью. Каждый платёж по ипотеке — мой благодарный мост к дому. Каждый платёж стирает старую программу страха и обременения. Я досрочно закрываю ипотеку с лёгкостью.

Спасибо, старая программа. Но теперь здесь думаю я. Я не знаю как, но это уже моё. Вселенная изобильна. Я люблю тебя. Прости меня, пожалуйста. Благодарю тебя.

Она распечатала. Перечитала последние строки. Взяла ручку — и дописала уже от руки, на полях:

Отныне я иду в Свете Могуущественного Я Есмь Присутствия, в котором нет ни одной тени.

И последнюю фразу — как заклинание, как выдох:

Любовь, покажи мне, каким лёгким и неожиданным способом деньги приходят в мою жизнь.

Она откинулась на спинку кресла. Чай давно остыл.

Она не знала, «работает» ли это. Но она знала: текст написан. Первый шаг сделан.

Это был первый круг. Утро. Голова. Логика. Программа, которую она написала для своего ума.

Но Настя уже достаточно знала о себе: ум — это только первый этаж. Дальше — глубже.

Она отложила распечатанные листы. Не выбросила. Не перечитала. Просто — отодвинула. Потому что чувствовала: этого мало. Слова правильные. Но они не пошли дальше гор-

ла.

Вечером того же дня она снова села за стол. Чай уже был новый. И подход — другой. Не «составить программу». А поговорить. С тем, кто не читает, а слышит. С тем, кто не анализирует, а чувствует. С тем, кто помнит всё. Начался второй круг. Слова будут теми же. Но глубина — другой.

Утренний текст-очищение сделал своё дело: голова стала тише. Внутри — не пустота, а внимательная тишина. И хотелось творить.

Она закрыла глаза. Положила руки на стол. И сказала — не вслух, но очень отчётливо:

«Моё Высшее „Я“, позволь мне услышать твой голос. Направь моё Подсознание, чтобы оно приняло новую программу изобилия. Я разрешаю этому сюжету войти в меня — через мысли, через тело, через сны, через случайности. Я — проводник между тобой и моим внутренним миром. Да свершится».

Моё Высшее Я, (Дух) направляй.

Моё Подсознание, (Душа) очищайся и принимай новое.

Моё Сознание (Разум), слушай и действуй.

Затем открыла глаза и немного помолчав, продолжила:

«Дорогое моё Подсознание. Ты тот, кого называют Душой. Я обращаюсь к тебе с любовью и уважением. Ты хранишь всю мою память, все мои уроки, все мои силы. Благодарю тебя за то, что бережёшь меня даже тогда, когда я не понимаю этого».

Закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. Продолжила:

«Подсознание, ты знаешь всё, что я забыла. Ты видело все мои страхи и все мои мечты. Сейчас я прошу тебя — покажи мне сюжет. Пожалуйста, подскажи мне сюжет для развития благоприятных событий, который приведёт к увеличению и преумножению моих доходов. Подскажи, какой первый шаг я могу сделать, чтобы доходы начали увеличиваться и преумножаться».

Она открыла глаза. В комнате ничего не изменилось. Но внутри — что-то сдвинулось. Не ответ. Не знак. А обещание.

Она легла спать с этим запросом. Ночь прошла спокойно. Сон был крепким. Ничего не снилось. Проснулась Настя с одной мыслью: «Ещё раз повторить запрос».

Она не стала пить чай. Не стала проверять телефон. Села за стол — и повторила просьбу. Те же слова. Тот же тон. Та же тишина внутри.

И тогда — ответ пришёл.

Не голосом. Не картинкой. А просто — рука сама потянулась к книге Джозефа Мэрфи «Сила вашего подсознания» и невероятным образом открылась на нужной странице, как раз в тему. Пробежав по тексту, Настя взяла ручку, чистый лист. И строчки рождались будто кто-то водил её рукой.

Она писала письмо Подсознанию. Быстро, почти не останавливаясь.

«Дорогое моё Подсознание. Ты знаешь всё. Ты видело каждый мой страх — и каждую мою мечту. Ты — мой

партнёр. Мой соавтор. Неисчерпаемый источник мудрости, который хранится в Тебе, поистине всеведущ. Твоя безграничная мудрость ведёт и направляет меня. Для Тебя нет ничего невозможного».

Она перечитала первые строки — и продолжила. Теперь — о мечтах.

«Ты знаешь мои желания. Знаешь их вкус, цвет, запах.

Ты знаешь о дачном домике — в живописном, красивом месте, где воздух пахнет травами, а по вечерам мы всей семьёй сидим на веранде, наслаждаясь общением и видом, от которого замирает сердце.

Ты знаешь об автомобиле для мужа — надёжном, просторном, на котором мы поедem на нашу дачу, а потом — в гости к детям, по трассе, уходящей в горизонт.

Ты знаешь о досрочном погашении ипотеки — о том моменте, когда мы поставим подпись под последним платежом и выдохнем: «Мы свободны».

Ты знаешь о квартире для сына — уютной, светлой, где он создаст свою крепкую семью, а я когда-нибудь буду держать на руках внука и узнавать в его глазах наши черты.

И Ты знаешь о массажной кровати Нуга-Бэст — о том, как она возвращает моему телу лёгкость движений, бодрость, энергичность, силы и великопепное здоровье. Как каждое утро я просыпаюсь отдохнувшей, в теле, которое слушается меня с радостью».

Она остановилась на секунду. Потом дописала — тихо,

почти шёпотом, но рука двигалась по листу уверенно:

«Я знаю: это не просто „хотелки“. Это дар. Высшее Я дало мне эти желания — а значит, уже подготовило и путь к их воплощению. Я от рождения обладаю правом на процветание, счастье и успех. Всеведущая мудрость ведёт меня, направляет меня, подсказывает самый верный, самый лёгкий, самый действенный и совершенный план».

Дальше пошёл поток — о деньгах, о свободе, о циркуляции.

«Сейчас я обращаюсь к Тебе, моё мудрое Подсознание. Пусть деньги текут ко мне мощным, естественным потоком — бесконечным и щедрым.

Ведь деньги — это не просто бумага. Это символ обмена. Символ экономического здоровья нации. Это энергия, которая помогает моей самореализации, помогает раскрыть таланты, обрести красоту, быть на своём истинном месте в жизни и испытывать радость участия в благосостоянии и успехе окружающих.

Когда деньги свободно циркулируют в моей жизни — я свободна. Свободна не только от нужды, но и для красоты, роскоши, изысканности. Для того, чтобы делать то, что мне нравится. То, что я могу. То, для чего я создана».

Она почти не дышала. Пальцы летали.

«Так пусть же деньги обильно и постоянно циркулируют в моей жизни. Пусть их поток чудесным образом преумножается, возвращаясь ко мне сторицей. Пусть они пролива-

ются лавиной процветания — а я буду распоряжаться ими мудро, созидательно, рассудительно. Только на добро. Только во благо».

И — последние строки. Самые важные. Самые личные.

«Дорогое моё Подсознание, я благодарю Тебя. Прямо сейчас Ты откликаешься мне. Все барьеры в моём сознании растворяются. Я обретаю свободу. Я получаю силу.

И Вместе Получается. Обретается. И Достигается. Сейчас».

Она оторвала руку от листа.

В комнате было тихо. Только тикали часы на стене. Настя перечитала письмо — и поняла. Оно наполняется. Само. Это рождение сценария.

Она закрыла глаза — и увидела.

Первый слайд: Дачный домик.

Не картинка из журнала, а живой, тёплый образ. Деревянные стены, пахнущие смолой. Веранда с чашкой чая на перилах. Вдали — озеро, за ним лес. Солнце садится, и небо становится густо-розовым.

Она услышала запах — влажной земли после дождя. Ощутила кожей вечернюю прохладу. Услышала голоса — мужа, сына, невестки, внуков. Смех. Звяканье ложек о край тарелок. Тишину, в которой никто никуда не торопится.

Второй слайд: Ипотека.

Последний платёж. Не пафосно, а буднично — как выдох после долгого бега. Макар ставит подпись. Они с Мужем

улыбаются. Они не обсуждают это — они просто знают: теперь квартира принадлежит им. Полностью.

Третий слайд: Нуга-Бэст.

Она лежит на кровати. Тело расслабляется — позвонок за позвонком. Она чувствует, как уходит боль в спине, как исчезает тяжесть в ногах. Утром она просыпается — и не надо «раскачиваться». Она просто встаёт. Тело слушается с радостью.

Четвёртый слайд: Ещё одна квартира для сына.

Светлая, двухкомнатная, с большими окнами. Она ещё пустая — но уже пахнет свежим ремонтом. Настя представляет, как Макар входит с ключами, осматривается и улыбается. Она рядом. И это счастье — быть рядом в такие моменты.

И пятый слайд: Автомобиль.

Не марка, не цвет — а ощущение. Муж за рулём, она рядом. На заднем сиденье — сумки с гостинцами. За окном — трасса, уходящая в горизонт. Впереди — дача. Потом — город, где живут дети. Она чувствует уверенность — они едут не потому, что «надо», а потому, что счастливы. Потому что это их жизнь.

Она открыла глаза. В комнате всё та же тишина. Но внутри — не текст, а *реальность*. Она не просто написала слова — она вдохнула в них жизнь.

Настя решила: этого мало. Мало написать. Мало увидеть. Нужно — *услышать*.

Она открыла генератор ИИ музыки и отправила текст для озвучки. То, что получилось, было волшебным. Она будто слышала голос Вселенной которая эхом повторило её запрос, и ответила ей так, как она его слышит. Наполненным красивыми ощущениями, что откликнулись в её теле. Голос читал и напевал сначала тихо, почти шёпотом. Потом — громче, увереннее.

И на середине — голос дрогнул.

Слёзы из глаз потекли сами. Не от боли. Не от жалости. А от чего-то другого. От узнавания. От того, что слова вдруг перестали быть словами. Они стали *живыми*.

Она не вытирала слёзы. Не останавливалась. Слушала дальше — сквозь них.

«Я обретаю свободу. Я получаю силу. И Вместе Получается. Обретается. И Достигается. Сейчас». Эхом донеслось и попало в самое сердце.

Запись закончилась, Настя сидела в тишине. Слушала, как затихает дыхание в динамике.

Она не знала, когда придут деньги. Не знала, сбудутся ли мечты. Но она знала другое: *отката назад не будет*.

Потому что истина, которая живёт только в голове, слаба. А истина, которая прошла через голос — через вибрацию, через слёзы, через тело, — она прошивается на уровень клеток. И становится не просто «я желаю и верю», а превращается в «я *знаю*».

Второй круг завершился. Не заменой первого, а его углуб-

лением.

Утром она строила систему. Вечером — оживила её.

Утром она писала программу. Вечером — разговаривала с душой.

Утром она была программистом. Вечером — матерью, которая просит, верит и плачет от узнавания.

Одни и те же мечты. Один и тот же запрос. Но на втором круге слова пришли из другого места. И это почувствовало не только подсознание — это почувствовало тело.

Два круга. Одна спираль.

Настя закрыла ноутбук. За окном темнело.

Она не проверяла, сработало ли. Она просто знала: задание выполняется. Работа над дипломом идёт по плану. Два дня работы над дипломом прошли плодотворно:

Очищение поля — убран старый мусор. — Зачёт.

Запрос отправлен — открыта дверь. — Зачёт.

Повторение с доверием — подсознание поняло: это серьёзно, контакт установлен. — Зачёт.

Получение — ответ пришёл. Слова стали образами, запахами, красками. — Значит Зачёт.

Закрепление через тело — голос и слёзы прошли новую программу на уровень клеток. — Зачёт.

Лето только началось. Задание выполнено блестяще. И первая глава была написана.

Настя улыбнулась. Встала. Налила свежий и горячий чай.

И подумала: «Работа над дипломом — это самая важная

учёба. Та, где нет учителя. Где ты сам и есть — и учитель, и ученик, и экзаменатор в одном лице».

Она сделала глоток. Горячий чай разлился мягкой волной по телу.

«Зачёт», — подумала она. И засмеялась.

Первая неделя работы над дипломом подходила к концу. Вторая — обещала быть не менее насыщенной. Настя ещё не знала, какой сюрприз приготовила ей Вселенная на экзамене. Но она уже чувствовала: тишина, в которой растут корни, скоро зазвучит по-новому.

Глава 3

Гроза

Настя не помнила, когда в последний раз чувствовала себя настолько пустой. Не уставшей — пустой. Как будто внутри кто-то выключил свет и ушёл. Три дня назад она писала письмо Подсознанию. Чувствовала вдохновение. А сегодня не могла заставить себя даже открыть ноутбук.

Настя сидела в кресле перед столом. Ноутбук был закрыт. Телефон лежал экраном вниз — она даже не помнила, когда положила его туда. На столе — остывшая кружка чая, который она заварила два часа назад и забыла про него.

Она смотрела в стену. Не на икону. Не в окно. Просто — в пустоту. Глаза уставшие. Не от бессонницы. От всего.

— Я только начала дышать, — сказала она тихо в пустоту. — Только почувствовала, что почва под ногами стала твёрже. И вот — опять.

Она закрыла лицо руками. На несколько секунд. Потом убрала руки. Смотрела перед собой.

В глазах не было отчаяния. Было недоумение. Как у человека, который шёл по карте, сверял каждый шаг, а потом карта вдруг сложилась по-другому.

Из тишины, из того места, где уже много месяцев жил этот

голос, прозвучало:

— Настя. Это и есть тема «Диплома». Раскрыть «Замысел» — это и есть твоя дипломная работа. А потом — каникулы. И это отдельная, священная фаза, у которой свои законы.

Каникулы на Кафедре Любви — это не остановка. Это — восстановление.

В учёбе есть семестры — время брать, учить, сдавать, перерабатывать, расти, ломать старое, строить новое.

А есть каникулы — время отпускать, заживать, набирать сок, спать, смотреть в окно, не требовать, не доказывать, не «работать над собой».

Без каникул любая учёба превращается в гонку на выживание. А гонка на выживание заканчивается выгоранием, болезнью или смертью души.

Ты устала. Это нормально. Ты не сломалась. Ты не отказалась назад. Ты просто выдохлась на подъёме. Это бывает.

Она закрыла глаза — и увидела.

Она идёт в гору. Не крутую, а пологую, длинную. Она уже прошла большую часть. Позади — туман, камни, несколько раз, когда она почти сорвалась. Впереди — вершина. Уже видна. Уже близко. Но ноги не идут. Не потому, что не могут. А потому что так устали, что каждое движение — через «не могу».

Она садится на камень. Прямо на тропе. И думает: «Может, я не туда иду? Может, я слабая? Может, у меня не по-

лучится?»

— Это не слабость, Настя, — сказал голос. — Это честность тела и души. Ты столько сделала за последнее время.

— Переписала сценарий обиды.

— Вырезала опухоль, которая росла годами.

— Выдержала обвинения на похоронах.

— Не дала обиде войти.

— Написала письмо Подсознанию — не как «хотелку», а как манифест.

— Увидела лабораторию в своей комнате.

— Пережила запахи, которые пугали, и не сошла с ума.

Это колоссальный объём внутренней работы. И теперь твоя психика говорит: «Стоп. Пауза. Я больше не могу ни бороться, ни верить, ни даже хотеть. Дай мне просто полежать». Это не рецидив. Это — последствие.

Она слушала. Не спорила. Не кивала. Просто — слушала.

— Неуверенность, которая пришла, была не похожа на ту, что была раньше, — голос стал мягче. — Раньше она была фоновой: «Я ничего не стою, у меня не получится, кто я такая». А теперь она — реактивная: «Я так устала. А если это никогда не кончится? А если я опять упаду?»

Это разные вещи.

Первая — из детства, из стыда, из «не имею права». Вторая — из истощения. Из того, что ты просто переработала свой лимит.

И лечится вторая не убеждениями. А отдыхом. Настоя-

щим. Без «надо что-то делать с неуверенностью».

Настя выдохнула. Плечи чуть опустились. Не в отчаянии. В разрешении.

— То есть... я могу просто... ничего не делать? — спросила она тихо, себе под нос.

— Не просто «можешь», — голос почти смеялся. — Должна. Ты сделала операцию. Теперь — реабилитация. А в реабилитации главное — не «работать над собой», а спать, есть, гулять, смотреть в окно, не требовать от себя ничего.

Неуверенность уйдёт сама. Когда восстановятся силы. А если ты будешь бороться с неуверенностью — ты потратишь последние силы на борьбу с тенью. И устанешь ещё больше.

Она откинулась на спинку. Закрыла глаза.

Не медитировала. Не молилась. Не писала.

Просто — отдыхала.

В комнате было тихо. За окном сгущались сумерки.

И это было правильно.

— Ты не откатилась назад, Настя, — на последок прозвучал голос, похожим на шорох листвы за окном. — Ты просто остановилась перевести дух. Это не шаг назад. Это — пауза в долгом пути. А паузы — священны.

Отдыхай. Ничего не надо решать. Ничего не надо преодолевать. Ты уже сделала главное. Теперь — просто будь.

Она хотела что-то ответить, но не успела.

Внезапно — гром.

Он пришёл не постепенно, не с далёкого раската. Он уда-

рил сразу, тяжёлый, низкий, будто кто-то огромный передвинул мебель в небе.

Настя вздрогнула. Посмотрела в окно. За стеклом стремительно темнело.

И в тот же момент — щёлк. Свет в комнате погас. Не во всей квартире — только здесь, где она сидела. Где ноутбук, где она только что слушала запись своего письма Подсознанию.

Она встала. Прошла на кухню — свет горел. В коридоре — горел. Вернулась в комнату. Нажала на выключатель — свет зажёгся. Как ни в чём не бывало.

— Странно, — сказала она вслух. И снова села в кресло. Но тишина не вернулась.

Она включила запись. Голос читающий письмо — зазвучал снова.

«Дорогое моё Подсознание...»

— Щёлк

Свет вырубился уже во всей квартире.

Настя не испугалась. Не вскочила. Просто подождала несколько секунд — не включится ли сам. Не включился.

Она вышла на лоджию.

И замерла.

Небо над городом искрило. Молнии били одна за другой — не просто вспышки, а живые, ветвистые удары, которые на секунду превращали ночь в день. Гроза была не рядом. Она была над ней. Прямо над домом.

Настя стояла и смотрела. Двадцать минут. Пока свет не вернулся.

И в этой темноте — без телефона, без ноутбука, без лампы — она вдруг поняла.

Это не случайность.

Она слушала запись. Своё письмо. Свои мечты. Своё «я выбираю Любовь». И в тот момент, когда её голос произносил самые важные слова, мир ответил.

Сначала — выключил свет в комнате, где она творит. Словно сказал: «Здесь — перегруз. Остановись».

Потом — отключил всё. Полностью. «Не ищи других источников. Ничего не делай. Просто стой и смотри».

А потом показал небо. Не спокойное, не «уютное». А бушующее, мощное, искрящее. Как знак: где-то там, наверху, тоже идёт работа. Перестройка. Очищение.

Она вернулась в комнату. Свет горел ровно, как ни в чём не бывало.

Но что-то изменилось.

Она не знала, как объяснить. Но чувствовала: это был не просто технический сбой. Это был ответ.

Не словами. Не знаками. А самой стихией.

«Я вижу тебя, — сказала гроза. — Я слышу. Но не трать энергию зря. Отдыхай. Иначе перегруз».

Она села в кресло. И улыбнулась.

За окном ещё гремело, но уже дальше. Свет горел ровно. В комнате было тихо.

Она откинулась на спинку. Закрыла глаза. Не медитировала. Не молилась. Не писала. Просто — выдохнула. И решила: сегодня — отдых. А завтра — продолжу работу над дипломом. Она почти готова.

Глава 4

День, который сотворила Любовь

Настя не знала, что эти дни станут для неё той самой Башней из сказки, которая родилась в процессе рождения второй книги «Вспомни Кто Ты». Она вдруг вспомнила. Ту самую сказку — про Фиалу, про Башню, про то, как Чародейка стояла на пороге, держа в руках сосуд, наполненный любовью. И поняла, это и есть тот самый финал той самой сказки. Только вместо хрустальной фиалы — ноутбук. Вместо старца — Высшее Я. Вместо эликсира — сценарий. Но рецепт был тем же. Тем же, что когда-то пришёл к ней в сказке, которую она подарила читателям.

Она проснулась раньше будильника. Не от звука — от ощущения. Что-то изменилось внутри за ночь. Та тишина, которая пришла за день до этого, — она не ушла. Она осталась. И когда Настя открыла глаза, первое, что она увидела, — лицо мужа. Хмурое. Обиженное. И она улыбнулась.

Кирилл проснулся немного обиженным. Что-то с вечера засело — какая-то мелочь, которую она даже не помнила. Но он носил её в себе, как занозу. Хмурые брови. Молчание. Взгляд мимо.

Раньше Настя напряглась бы. Раньше она бы хмыкнула и

не обращала внимания попросту игнорируя мужа.

Сейчас она посмотрела на него. Улыбнулась. Подошла.

Не с виной и не досадой. Не с желанием «починить». А с тем теплом, которое разрешила себе почувствовать в тот момент — когда сидела в кресле, смотрела в стену и слушала, как Проводник говорит: «Ты не сломалась. Ты просто выдохлась на подъёме. Отдыхай».

Она отдохнула. И теперь в ней было что-то новое. Не сила. Не уверенность. А тихая, спокойная наполненность.

— Я люблю тебя! — прошептала она.

Ага! — с сарказмом ответил Кирилл.

Настя улыбнулась ещё шире, и с её губ сорвалось почти самопроизвольно:

— Я люблю тебя, — повторила она. — И я посылаю тебе любовь, чтобы она растворила все твои обиды.

— Спасибо!

Кирилл удивлённо посмотрел на неё. Но Настя не ждала эффекта. Не проверяла, сработает ли. Просто сказала — из того места внутри, где больше не было страха, и пошла умыться.

И случилось чудо.

Прямо на глазах его лицо изменилось. Мышцы расслабились. Брови перестали хмуриться. Губы дрогнули — и от обиды не осталось и следа. Он посмотрел на неё, будто проснулся. Будто вспомнил что-то важное, что забыл во сне.

— Пойдём в магазин? — сказал он уже другим голосом.

И она поняла: это не она сделала. Это любовь. Та самая, которую она позвала в свою жизнь не как спасательный круг, а как фундамент. И теперь эта любовь текла через неё свободно — к мужу, ко дню, ко всему, что встретится.

Они шли мимо леса.

Солнце пробивалось сквозь листву — не палящее, а мягкое, золотое. Воздух пах хвоей и влажной после ночного дождя травой. И птицы пели. Не в переносном смысле — взаправду. Заливисто, на разные голоса, будто специально для них.

Настя остановилась.

— Как же я люблю это место, — сказала она. — Как же здесь красиво. Слышишь? Птички поют.

Кирилл остановился рядом. Ничего не ответил. Но она почувствовала: он тоже слышит. Тоже видит. Тоже — здесь.

Она не думала в этот момент ни о сценариях, ни об очищении поля, ни о денежных блоках, ни о втором семестре.

Она просто смотрела на лес. Просто слышала птиц. Просто чувствовала руку мужа в своей.

И в этом «просто» было больше жизни, чем в любом самом правильном утреннем ритуале.

Потом был экиден. Соревнования по марафону в виде эстафеты в Питере. Их сын бежал первый этап. За тысячи километров от их новосибирской кухни, от их леса, от их утреннего разговора.

Они включили телевизор. Прямой эфир.

Настя сидела на краю дивана и волновалась так, будто бежать нужно было ей. Кирилл стоял рядом, скрестив руки на груди, и молча смотрел в экран.

Комментаторы говорили бодро, перебрасывались шутками. А потом один из них вдруг сказал:

— Ну что, по всем прогнозам сегодня в Питере — дождь. Весь день. С утра и до вечера. Но вы только посмотрите на небо.

Камера показала стартовую линию. Флаги трепал сильный ветер, бегуны выстроились на старте. А небо было светлое. Облачное, но не дождливое.

— Такое ощущение, — продолжил комментатор уже с улыбкой в голосе, — что кто-то позвонил в небесную канцелярию и договорился об отмене дождя.

Второй комментатор рассмеялся.

— Ну, если там есть телефон, то я хочу этот номер. Потому что прогнозы обещали ливень, а мы стоим сухие.

Настя улыбнулась. Не себе. Не мужу. А кому-то невидимому, у кого действительно есть этот номер. И кто отвечает на звонки.

Их сын стоял на старте. Высокий. Собранный. Серьёзный. Она видела его в кадре — мельком, среди других бегунов, но сразу узнала. По тому, как он разминал плечи. По тому, как смотрел на дорожку, как вставал в стойку.

«Беги, — подумала она. — Просто беги. Ты готов».

Внутри не было паники, к которой она привыкла годы на-

зад, когда каждое его падение отзывалось в ней комом в горле. Не было и ледяного спокойствия, которое бывает, когда уже всё равно. Было что-то третье.

Сердце колотилось — но не от страха. От узнавания. От того, что она смотрит на своего сына, и он уже давно не тот мальчик, за которого нужно бояться. Он — мужчина, который выбрал свой путь.

«Я не контролирую, — сказала она себе. — Он знает, что надо, как надо и когда надо. Он взрослый. Он самостоятельный. Я просто — здесь. Я просто — смотрю и люблю».

Выстрел. Побежали.

В этом забеге участвовали сильные спортсмены из Кении — настоящие профи, которых тренируют с детства. Но Макар держал свой темп. Немного отстал.

И вот — последний круг.

Настя смотрела на экран и чувствовала, как внутри всё сжимается. Не от страха. От напряжения, которое похоже на тетиву: вот-вот сорвётся. Она не отводила глаз от бегуна в знакомой форме. Макар уже шёл ровно с кенийцем — плечо к плечу, метр в метр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.